

Александр ЛИФШИЦ,
Москва

Двенадцатые Гоголевские чтения: как это было

Наукообразие, псевдотеоретизирование, безудержный полет фантазии интерпретаторов текста, абсурд разной степени тяжести... Со всем этим можно столкнуться не только на олимпиаде школьников, но и на взрослой научной конференции. Эти болезни передаются по воздуху, или они генетически заложены в самой природе филологии? Есть ли от них вакцины и сыворотки? Со всеми этими вопросами с пристрастием разбирался один из наших постоянных авторов доцент факультета филологии НИУ ВШЭ Александр Лифшиц.

Пишу по горячим следам.

30 марта в Москве на Никитском бульваре, в доме, где умер Гоголь, открылись 12-е Гоголевские чтения, приуроченные ко дню рождения писателя и собравшие исследователей из городов России и Украины, к которым, как Христиан Иванович Гибнер к уездным чиновникам, присоединился профессор из университета города Киото (Япония). Среди собравшихся, как и полагалось, показались какие-то «Сысой Пафнутьевич и Макдональд Карлович, о которых и слышно не было никогда», и даже одна хорошенькая головка. Правда, очень хорошенькая.

В два дня уместилось большое количество докладов. Чтобы успеть, два заседания шли параллельно, поэтому услышать всех было физически невозможно. На доклад отводилось по 15 минут, времени на обсуждение выступлений не предполагалось, но и такой жёсткий регламент не позволил бы выступить всем заявленным участникам, ежели б все они только решили приехать.

Гости съезжались, их встречал струнный квартет, хозяйка дома изображала радушие, хотя и несколько в профиль, и оказывалась сразу везде. Потом начались приличествующие случаю речи, смысл которых был благопристойным, как наружность Чичикова, и столь же содержательным.

Гоголь был бы удовлетворён точностью своего описания светских событий средней руки.

Приятная во всех отношениях гостья из Полтавы вместо речи спела дуэтом с дочкой украинскую песню, для чего на девочку был взгромождён пышный венок из искусственных цветов. В ответ с российской стороны прозвучало соло на балалайке, исполненное с чувством специально для этого заготовленным лауреатом каких-то конкурсов.

▲ М.Шагал. Иллюстрация к «Мёртвым душам»

Так предопределён был один из нервов конференции: чей же писатель Гоголь?

Именно при обсуждении этой темы даже киевляне вдруг начинали демонстрировать знание украинского языка, а особо упорные с обеих сторон не хотели соглашаться с примирительной формулировкой, утверждавшей, что Гоголь – русский писатель, но украинский гений. Впрочем, численное превосходство было за нами, а неразрешённый спор отложили, вероятно, до следующих чтений.

А на этих чтениях первым вышел на трибуну знаменитый исследователь Гоголя Ю.В. Манн, представивший свой доклад «Смех против страха». Разумеется, речь шла о произведениях Николая Васильевича. Самой, однако, заметной реакцией на выступление Юрия Владимировича был вопрос некоего пожилого джентльмена (а вовсе не тихого японского профессора, как вы могли бы подумать) о том, что думает докладчик о градациях страха, существующих в японской культуре.

Так обнаружилась вторая особенность конференции: многие присутствующие вовсе не пытались вникнуть в то, что говорят их коллеги, и вопросы задавали, чтобы услышали их самих, а вовсе не для того, чтобы получить ответ.

Кстати, нельзя с прискорбием не отметить, что в этой особенности чтений даже при большом желании нельзя усмотреть ничего оригинального.

Далее конференция потекла своим чередом. Много было сообщено любопытных наблюдений, не были забыты разные знакомые Гоголя, не были обойдены вниманием: украинская кухня, разнообразные мотивы, встреченные в повестях Николая Васильевича, и фольклорные элементы, оказавшиеся там же, а также много чего ещё.

Признаться, уровень услышанных докладов был разным. Были среди них и такие, что оставляли то самое чувство, что вызывали в чиновниках губернского города ответы Ноздрёва.

В этих докладах на вопрос, не Наполеон ли Чичиков, отвечали, что Наполеон, на вопрос, не черт ли он, давали не менее убедительный утвердительный ответ. Если докладчик брался исследовать, inferнален ли Ноздрёв, то и здесь находились аргументы, говорящие, что да, inferнален, как никто другой.

И доказательства приводились. Имение его расположено в болотистой местности, что непременно бывает с нечистой силой, обживающей разные неудобья; не воздерживается от спиртного – так и лукавый выпить не прочь; играет в карты – так это обыкновенно делают черти, если судить по сведениям, полученным автором доклада из словаря «Славянские древности».

Несомненно было только то, что знакомство докладчика с нечистой силой было самым книжным и невинным, но эта тема явно увлекала его куда больше, чем текст «Мёртвых душ».

Так выяснилась третья особенность научного собрания: многих Николай Васильевич Гоголь и его произведения интересовали лишь постольку, поскольку они могли послужить поводом для демонстрации докладчиками своего природного остроумия и благоприобретённой эрудиции.

Впрочем, некоторые умудрялись поразить слушателей такими затейливыми фантазиями, которым позавидовали бы многие герои Гоголя.

Выкрашенные зелёной краской подпорки чахлых деревьев городского сада, попав в один доклад, вдруг преобразились в масонские треугольники. В масонские символы записана была старая ключница и её молоток, которым колола она белоснежную сахарную голову. В масоны были записаны Чичиков с Маниловым, а также и Собакевич, пострадавший за странную конструкцию его усадебного дома.

Наконец, мелкие чиновники, уподобленные Гоголем мухам, облепившим рафинад, объявлены были влетевшими в то окно, которое прорубил в Европу Пётр Первый.

И далее, по Гоголю, рассуждение было заключено словами: «так вот с какой точки нужно смотреть на предмет!». Не хватало только, чтобы «новооткрытая истина пошла гулять по свету, набирая себе последователей и поклонников». Но подобные «истины» в нашем отечестве бывают особенно любимы и лелеемы.

Во дворе дома печальный Гоголь сидел в это время под мокрым снегом, завернувшись в свою крылатку, и грустил, должно быть, поскольку персонажи его произведений окружали писателя, увы, не только на памятнике.

Для чего пишу это?

Непритворно уважаемые мною школьные учителя!

Пишу – чтобы вы увидели мои слова как полосатую ленту вокруг опасного места. Ни корочка кандидата наук, ни даже докторская степень сама по себе не являются свидетельством научной добросовестности или хотя бы стремления их обладателей к истине. Бог знает сколько глупостей говорится и пишется под видом науки.

Будьте бдительны!

Сейчас, когда едва ли не во всех областях практически отсутствует корпоративное неприятие халтуры и непрофессионализма, когда научная этика мнится многим странной архаикой, вы оказываетесь защитниками того рубежа, за который нельзя отступать.

Нас с вами учили, что филология возникает в глубокой древности из потребности понимания текстов и из следовавшей за этой потребностью традиции их комментирования.

Но никогда не предполагалось, что можно произвольно толковать текст на основе случайного сходства, что можно приписывать автору мысли, которых не могло быть в его время, что можно придавать отдельной детали смысл, противный всему авторскому замыслу.

Двадцатый век сформулировал основное требование к гуманитарным научным исследованиям: при анализе материала необходимо выяснить прежде всего, что и как работает (функционирует), а потом делать выводы. Иными словами, выяснить, для чего висит знаменитое ружьё на стене и собирается ли оно вообще стрелять.

Много ли смысла в споре о том, чей писатель Гоголь? А что если вдруг решим, что украинский – выкинем из программы? Если сочтём русским – забудем про галушки, чубатых запорожцев и гарных дивчин?

Что толку задаваться вопросом об inferнальной природе одного Ноздрёва, если весь первый том «Мёртвых душ» должен был, по мысли автора, представить читателю ад российской действительности?

Ещё бессмысленнее использовать прекрасный текст вместо пятен Роршаха и, изобличая собственное скудоумие, видеть в каждом треугольнике масонский символ, а в любой форточке – окно в Европу.

Известно, что ничто так не развивает фантазию, как отсутствие знаний. И ничто так не вредит науке, как прихотливые и ни на чём не основанные амбиции.

Но мы с вами ведь знаем и то, что чудесные произведения не стали ни чуточку хуже от того, что их сделали школьной классикой. И мы знаем, что они по-настоящему открываются не Ноздрёву, давно забытому, что есть на свете правда и совесть, не Чичикову, изображающему светскую благопристойность, не помещикам или чиновникам от литературоведения, да и другому никому, кроме одного только заинтересованного читателя-путешественника, уважительно внимающего всегда новому для него рассказу.